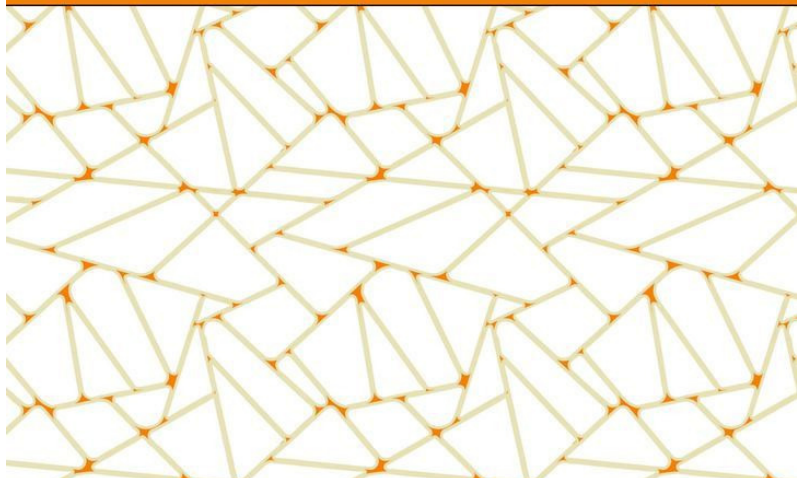

18+ Ярослав Огнев

Наследие Рарога

Дневники

Яросвет Огнев

Наследие Рарога. Дневники

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551563
ISBN 9785448370335*

Аннотация

Действия происходят в психбольнице, где пациентом номер один становится сам главврач. Цыба Валерий Фёдорович дважды испытал страшное обострение диссоциативного расстройства. Он говорил не своим голосом, рисовал страшные лица, звал несуществующих людей и наблюдал картины из иной жизни. Больной пытался сохранить свою память в дневниках, но по какой-то причине их изъяли доктора. Валерий приходит в ужас, когда узнаёт, что на самом деле произошло с ним и с другими пациентами государственной больницы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1. Жёлтая тетрадь	5
Глава 1	19
Леся	24
Другие	26
Лохматый	29
Общий зал	32
Серп	35
Николай	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наследие Рарога Дневники

Яросвет Огнев

© Ярослав Огнев, 2023

ISBN 978-5-4483-7033-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Жёлтая тетрадь

Барабаны выбивают ритм. Сквозь собравшуюся толпу пробивались киевские дружинники. Они конвоем выводили приговорённого к смерти пленника. Слышится оглушительный рёв толпы. Лай собак. Кто-то выкрикивает ругательства, кто-то воздаёт мольбу Богу о прощении грехов заблудшей души. Площадь наполнялась стонущей звуковой какофонией. Воодушевления у крестьянского народа было мало. Поистине ликовали лишь те, кто предпочитал говорить на каком-то латинском языке. Они держались в стороне, возле княжеской свиты и кровожадно обсуждали грядущую казнь. Они настойчиво предлагали закрыть осужденного в медном быке, но князь Владимир не дал добро на такое зверство. Приговорил к сожжению на костре, и отправился по неотложным делам.

Как только пленника привязали к столбу, его тут же окружили христианские священники. За ними едва поспевали киевские чиновники, рядом с которыми тёрлись иностранные представители. За их спинами ожидал своей участи палач, а сам эшафот заграждало два ряда дружинников.

– Покайся, Всеволод, – говорили попы.

– Отрекись от своих претензий на княжество, – перекрикивали их чиновники.

– Покайся.

– Отрекись от языческих богов. Покрестись.

Пленник не слушал их. Пусть они шепчут, их мозговая атака ничего не решит.

– Всеволод, – сказал громче всех один из присутствующих на эшафоте, – Ты провозгласил себя князем Киевской Руси и назвал Владимира лжецом. Оскорблял Господа нашего Иисуса Христа и порочил память Его. А тех, кто принял Его в сердца свои, ты называл презрительными червями. Желал им смерти.

– Лож! – во весь рот закричал пленник, – Я призывал к миру... Люди опомнитесь, вас ведут...

Один из чиновников дал ему пощечину и тут же шепнул на ухо:

– Покайся, признай вину и прими христианство. Признай Владимира своим князем и ты умрёшь безболезненно.

Чиновник украдкой показал поникшему пленнику стеклянную бутылочку с белой жидкостью.

– Подумай хорошо, – продолжал шептать он, не обращая внимания на святых отцов, – Сделай правильный выбор.

– Не пойму, Никита, – проскрипел Всеволод, – Когда ты успел продаться? Неужели византийцы смогли соблазнить тебя богатствами...

Чиновник презрительно хмыкнул, но сказать что-то оскорбительное не успел. Всеволод опередил его своим смешком и догадкой:

– Или ты всегда был одним из них? Никак иначе. С малых

лет живёшь на Руси или на родине своей, латинской, поживал?

Чиновник вновь ничего не успел сказать. Дерзкий плевок в его лицо отбил всякое желание общаться с тем, кто скоро умрёт. Он лишь утёрся и отошёл в сторону. Махнул рукой, а затем громко начал призывать людей к правосудию. Остальные замолчали. Поняли, что Всеволод не изменит своего намерения. Разошлись. Палач дождался условного сигнала и поднёс факел к сену. Пламя вспыхнуло и быстро разгорелось. Занялся хворост. Постепенно воспламеняются и дрова потолка. Всеволод равнодушно смотрел на огонь и гадал о судьбе своих сыновей. Святополк, Ярослав и Влад. Они должны пройти Путь Лисицы до самого конца. В них течёт сила Великих Предков. Если они не справятся, то всему придёт конец. Русь падёт и мир вместе с ней. Настала Ночь Сварога.

Языки пламени касаются ног смертника, но тот даже не скривился. Затем огонь разгорается ещё сильнее и толпа ожидавшая услышать вой снова разочаровалась. Стена огня окружила Всеволода, обдав его нестерпимым жаром, но он по-прежнему молчал. Меняться в лице начал только когда воздуха совсем не осталось и кожа начала вздываться. Однако он оставался живым и до того момента, когда огонь добрался до него. Это случается редко. Обычно люди умирают раньше от удушья. Или от разрыва сердца. Но Всеволод был одним из тех, кто мог удивить и даже напугать своей стой-

костью в жизни.

Ужасный треск горящих дров говорил о необратимости процесса. В такие моменты надежда покидает умирающего человека. Но те, кто наблюдал за казнью свысока, видели воздетую к небесам голову Всеволода и угадывали улыбку на его лице. Чиновники князя Владимира даже сейчас устрашались, стоя вдали от процесса. Боялись, что может случиться какая-нибудь беда. Тем более эти трусы постоянно ощущали на себе взгляд приговорённого. Жалкие змеи. Они не могли понять, что Всеволод их уже не видит. Его глаза зрят уже другой мир.

– Семаргл, Огнебожич, – шептал изуродованными губами смертник, – Приди Сварожич. Пришли мне ророга, помощника твоего, друга моего. Да пусть свершится то, что должно свершиться.

Никто не ожидал, что такое возможно. Когда пламя вдруг вспыхнуло ещё ярче и ещё выше, люди отпрянули. Даже дружинники в нескольких местах разорвали кольцо. Самые суеверные хотели уйти подальше, однако ратный быстро восстановил порядок. Только теперь воины невольно оттесняли зевак от эшафота. А когда костёр ожил, его языки взметнулись во все стороны, люди бросились бежать. Кого-то затоптали, а кому-то досталось мечом или щитом. Гнев сменился страхом. Крестьяне были в панике. Земля под их ногами стремительно раскалялась. А чиновники, с круглыми от ужаса глазами, всё это время наблюдали, как огонь отделялся от зем-

ли и поглощал тело Всеволода. Не оставалось ничего кроме чёрной пыли. Угли мгновенно распадались. А пламя поднималось и поднималось. Оно приобрело форму огромной птицы и зависело над площадью. Бегающие внизу люди приготавлились к смерти. Однако возникший из костра рарог лишь поджег собою ближайшие крыши домов, когда проплывал над ними. Никто не мог поверить, что огненные соколы существуют. Ведь давно никто не видывал подобных чудес.

Легендарная птица с княжьего знамени унеслась прочь, а напуганные жители Приднепровья ещё долго смотрели ей вслед. Малая часть из народа искренне надеялись, что рарог забрал своего потомка в Правь. Унёс к Богам и Предкам. Подалеже от кошмара, который пришёл на Русь вместе с Ночью Сварога. Остальные проклинали еретика и язычника в колдовстве и желали ему гореть в аду.

Пламя не гасло. Огненная птица поднималась к самым облакам. Превращалась в шар. Казалось, что от исходящего жара вода в небе испаряется во второй раз и уносится, теперь уже, за пределы Земли. Не осталось ничего кроме красной пелены перед глазами. Всё, что было, сгорело и осыпалось пеплом. Всеволода не стало...

Есть я и нестерпимый жар в голове. Мне кажется огненная птица не в Правь улетела, а ко мне в голову. До сих пор выжигает мне череп изнутри. Так что как то само собой хочется думать о чём-то высшем. Например, о том, что Все-

ленная никогда не возникала и никогда не исчезала. Впрочем, она никогда и не исчезнет. Жизнь была, есть и будет. В разных, всевозможных, формах. Причём бесконечно закручиваясь из микро в макро... Из макро в микро. Тогда всё ясно. Огненная птица унеслась вглубь Вселенной, достигла особого предела и начала своё движение в субатомном мире, элементарные частицы которого являются составляющими молекул моей головы. Это место свято и нерушимо, однако пламя выжгло всё до капли. Остались нетронутыми некоторые фрагменты из жизни, но и те осыпались пазлами на самое дно сознания. Не знаю, можно ли когда-нибудь достать своё прошлое из тьмы забвения...

Кто я? Частица света? Всеволод или рарог? А может чистая энергия, посланная Вселенским разумом вглубь тёмного космоса, дабы стать Сверхновой и дать новую жизнь? Или поток заряженных частиц, который возникает на электростанциях...

Я увидел людей в белых халатах. Они абсолютно безлики. Что-то говорят, но их слова мне не понятны. Речь знакомая, но почему-то она не усваивается мною. Возможно я просто не из их мира. Или... они не из моего. Не знаю. Однако с моей головы что-то сняли. Что-то металлическое. Затем всё поменялось. Свет упал под другим углом. И потолок поплыл. Слышу шаги. Вижу лица. Одно... два. Вот ещё третье. Они продолжают говорить на необычном языке, хотя их лица стали более чёткими. Одно из них показалось знакомым.

Всё замерло. Мне становится страшно. Появляется неприятное ощущение внутри организма. Нечто крутящееся стремительно поднимается вверх и выплескивается наружу. Во рту стало горько. Меня перевернули на бок, чтоб я не захлебнулся отторгающейся жидкостью. Так пролежал в течение долгого времени. Затем вездесущий гул затих, уступив место другим звукам. До этого я думал, что мой слух в норме.

Кто-то подошёл, коснулся моей руки и удалился. Слышу голоса. Они говорят гораздо лучше. Произношение теперь понятное. Только вот не до конца. Нужно сосредоточиться на этом.

Долго не смог. Двое подошли ко мне и ловко поменяли моё положение. Теперь я лежу полусидя. Больше не тошнит, но голова закружилась. Пытаюсь вспомнить, чем занимался до их появления. Обдумываю каждую сопутствующую мысль, каждую секунду. Я словно прожил много маленьких отдельных жизней.

Просидел в одинаковой позе столько, сколько потребовалось, чтоб навести фокус на противоположную стену. Я увидел стол и, сидящую за ним женщину в белом халате. Она что-то писала и говорила по телефону. В помещение вошёл человек. Мужчина в белом. Он присел рядом с ней. Начал говорить. Затем он увидел мой взгляд и поднялся на ноги. Взял инструменты и начал прикладывать их ко мне. Его действия не совсем ясные, не говоря уже о словах. Когда он

закончил, женщина вышла вместе с ним. Вернулась с другим человеком в халате. Наверное, тоже доктор. Он присел напротив меня и стал говорить. В его руках была толстая тетрадка, на жёлтой обложке которой было много, отдельно друг от друга, написанных слов. Я пытался разобрать смысл, но монотонный монолог усыпил меня.

По пробуждении меня ожидала всё та же картина: новый доктор с желтой тетрадкой и сидящая за столом женщина. Они внимательно рассматривали меня в полном молчании и, в конце концов, доктор произнёс понятные слова:

– Внимание к нему вернулось. И, возможно, понимание. Валера, ты меня понимаешь?

Это он ко мне обратился? Смотрит на меня, значит... да. Но что ему ответить? И что мне не нравится в его интонации?

– Валера, ты слышишь?

Я едва заметно кивнул. Доктору этого было достаточно.

– Вова, имей уважение, – возмутилась женщина, – Он же старше и...

– Ой! – громко произнёс доктор, – Только давай без нравочений. Этот человек едва не убил свою жену. Я не испытываю никакого сострадания к нему.

– Но это же расстройство психики. Валерий Фёдорович никогда бы не...

– Ларис, – Вова поднял руку, чем оборвал речь коллеги, – Может ты и права. По крайней мере, тот Валерий Фёдоро-

вич, которого я знал, умер. Сейчас перед нами просто Валера. Хм. И да, возможно он уже не шизик. Электрошок и нейрорептики помогли ему излечиться... Но... Возраст не щадит ни кого.

Как-то он мерзко себя ведёт по отношению ко мне. Или Вова так со всеми? А что он говорил про мою жену? Я едва не убил её? Не могу вспомнить ни причину, ни саму жену.

– Надеюсь, ты не сильно расстроишься, когда возраст доберётся и до тебя, – съязвила Лариса.

– Записывай, – резко бросил он, с неприязнью глядя на меня, – Опорно-двигательная система отказывает, речь не проявляется. А память... Что у тебя с памятью? Ты помнишь своё имя?

Я молчу. До сих пор пытаюсь разъяснить себе услышанное. Глупыми глазами смотрю на доктора и не знаю что сказать. Моё имя Валера. Конечно помню, ты же сам сказал.

– Имя, – настойчиво повторяет Вова.

– У, – сильно вытянув губы вперёд, выдавил из себя я.

Не знаю, почему так делаю. Иначе не получается, хотя хочется говорить нормально. Тело просто не слушается. Я не могу контролировать его. Наверное об этом и говорил доктор, когда упоминал о двигательной системе.

– Тебя зовут Валера, – ещё раз напомнил он мне, – Валерий Фёдорович.

Я кивнул. Хорошо, буду Валерой. Но я ничего не помню. Опускаю глаза на обездвиженные руки. Что со мной? Элек-

трошок и нейролептики? Это вредно?..

– Ты помнишь, как попал сюда? – продолжил спрашивать доктор.

Я покачал головой и снова попытался извлечь из себя звуки. Странно, что не получается. Я ведь понимаю и могу говорить, просто речевой аппарат не слушается.

– Ясно, – сказал Вова, – Валера не многословен.

– Он много говорил до того, как вы провели последний сеанс, – недовольно прокомментировала Лариса, – Он помнил...

– Что он помнил? – Вова резко повернулся к коллеге, чем вызвал у меня тревогу, – Что говорил? Ты слышала?! Он же нёс ахиною. Про демонов, про другие жизни. Всеволод, князь Владимир. Ха-ха. Слышала? А людей каких-то звал. Имена я записал. Потом звонил его жене, спрашивал. Она не знает никого из перечисленных им... Я лично думаю...

Доктор успокоился. Поднялся на ноги и подошёл к окну.

– Думаю, что ему гораздо будет спокойней... таким вот. Никаким! Пусть начинает с чистого листа.

– В таком возрасте? – Лариса была на моей стороне. Она явно не разделяет позицию этого доктора.

– А что? – удивляется он, – Лучше, когда Фёдорович носится по палате и гоняет бесов?

Лариса склонила голову над своим столом и тихо согласилась:

– Не лучше. Просто... На мой взгляд, ты будто глумишься над ним. Он же на работу тебя принимал. Учил...

– Учил? – Вова видимо хотел снова вспылить, но посмотрел на моё ничего не выражающее лицо и махнул рукой, – Учил. Теперь я буду учить. Тебя, Лариса.

Женщина встрепенулась. Не ожидала такого.

– Как меня?

– А вот так.

Вова подошёл к её столу и легонько постучал по стопке бумаг. Там же была жёлтая тетрадь, которая была в руках у доктора.

– Занимайся им. Он весь на тебе. Вставляй ему мозги. Но если его припадки возобновятся...

– Позовешь Батю? – усмехнулась Лариса, – Ну-ну.

– Хм... – только и произнёс Вова.

Он, молча, двинулся мимо меня, к выходу. Лариса смотрела ему в спину и долго не решалась что-то сказать. Я услышал стук двери. От этого дёрнулся, привлекая к себе внимание. Лариса взглянула на меня и грустно вздохнула. Потом перевела взгляд на выход и наконец, сказала:

– Какой же ты мудака, Вова.

Я улыбнулся, глядя на неё. Меня радует её общество.

– С тех пор как он стал замом Юрия Дмитриевича, – начала объяснять мне Лариса, – Так и просит по... по морды своей. Строит из себя всезнайку, а на деле... Вам, Валерий Фёдорович и в подмётки не годится.

Я понял, что могу шевелиться и пожимать плечами, но не понял её слова. Почему «в подмётки»? Она хорошо меня знает? Надо бы спросить. Однако вместо этого я просто открыл рот, чтоб высунуть язык и провести им по пересохшим губам. Получилось улыбнуться. Снова пытаюсь шевелиться. Со стороны, наверное, выглядит как-то нелепо.

– Вы как маленький ребёнок, – загрустила Лариса, – И правда, с чистого листа. Начало... новое начало. Ладно, посмотрим, что нам делать.

Она открыла тетрадь и внимательно прочитала запись. На её лице проявилась сосредоточенность. Лариса поджимала губы, когда обдумывала информацию и смотрела на меня. Прейдя к какому-то выводу, снова опускала глаза в тетрадь. Решала. Спустя время женщина, наконец, выдохнула:

– Ну... Юрий Дмитриевич настоятельно просил назначить вам... Ага...

Она скривилась, сощурилась, но чтоб вконец разобрать почерк, ближе поднесла тетрадь к лицу.

– Будем пить лекарства...

– Нее, – очень быстро машу головой, удивляя этим себя и Ларису, – Не-не-не. Фу леасво.

Почему-то мне было отвратно само упоминание о лекарствах. Мне так не хотелось что-либо употреблять, что даже мой речевой аппарат смог воспроизвести несколько отрицающих слов. Лариса, открыв рот, смотрела на меня, а я невольно представлял, как круглая таблетка катится в желу-

док и, утонув с кислоте, начинает растворяться... Ощутимо представилась боль в ягодицах, вызываемая при уколе. Игла, застряв в мышце, пропускает через себя жидкое вещество, которое распространяется по организму и превращает меня в ледяную статую.

– Что? – своим вопросом Лариса вернула меня из нахлынувшей фантазии в реальность, – Ле... что?

– Леарсво... Леарство...

– Лекарство?

Я кивнул. Пальцы на руках шевелятся, ногами могу отбивать ритм. Скоро я смогу встать на ноги. Надеюсь на это. Только почему так трясёт?

– Ты не хочешь лекарство? – сомневающимся голосом спрашивает Лариса.

Снова киваю и кручу пальцем у виска... Это уже результат. Значит я всё-таки не инвалид. Могу шевелиться. Уже активно получается. Вот-вот и смогу встать.

– Леакаство фу, – начинаю раскачиваться в каталке, – Фу-фу. Оно содит су-ума.

– Сводит с ума? – тревожится Лариса.

– А, – издаю протяжённый звук, затем пытаюсь повторить, но более тщательно, – Да. Да, да. Да!

Лариса поднялась. На лице изумление, а взгляд направлен мимо меня. Тут же ощущаю прикосновение холодного к моей шее и укол.

– Дружище, ты уже сошёл с ума, – хохотнул Вова мне

на ухо.

Он вышел вперёд и приблизился к столу, пряча в кармане какой-то инструмент. Лариса молчала. Кажется, она обдумывает поступок коллеги. Потому что есть только он... Есть я и он... И Лариса. Боже, как хорошо. Слышу шум моря, крик чаек. Ветер трепет мои волосы... Я раскачиваюсь на волнах. Это происходит так плавно и ненавязчиво, что мне стало не до раздумий о поведении Владимира. Мне хорошо... Мне ничего не нужно...

Глава 1

Я Цыба Валерий Фёдорович и это мой дневник. Мне шестьдесят три года. Моя специальность – психиатр. До того как стал пациентом собственной больницы, я был главным врачом. Доктором с большой буквы. Меня здесь многие уважали, а некоторые даже боялись. Не знаю почему, память, после лечения не вернулась. Мне делали электрошок, а эта процедура оставляет после себя... В моём случае пепел и руины. Поэтому пишу всё это, чтоб снова не забыть себя. И чтоб помнить то, что уже вспомнил. Я буду писать о людях, которые меня окружают, а так же их слова обо мне.

И что касается меня и моего положения, примерно год назад я едва не убил свою жену. Причиной послужило моё неожиданное диссоциативное расстройство. Другими словами – шизофрения. В один миг по неизвестным причинам во мне появилось сразу несколько личностей. Я говорил на иностранном языке, вопил, призывал кого-то и пытался нейтрализовать всех, кто казался мне опасным. Меня быстро утомили и госпитализировали. Затем началось лечение. Лучшие специалисты, которые у меня работали, самоотверженно боролись за моё здоровье. Ответственность за это взял на себя Кузьменков Юрий Дмитриевич, который работал на тот момент моим замом. Впоследствии он был поставлен на моё место, после чего к работе подошёл ответ-

ственно и добросовестно. Даже лучше чем я. По крайней мере, появились новые вакансии. Похвально, люди довольны. Его даже по-свойски называли Батей. А вот я погрузился в спячку. Целый год прожил овощем. Меня выгуливали, за мной убирали, кормили. Всего этого, к счастью, не помню, но мой нынешний врач, Лариса Сергеевна, уверяла, что обслуживание было лучшим. У меня была собственная палата и собственный медперсонал, который приставили для меня. Все хорошо ко мне относились, исключением был только заведующий реанимацией Вова. Свой характер он проявил только недавно, когда у меня случился второй приступ. Что конкретно происходило в этот момент, мне рассказывали с неохотой и не всегда правду. Но стало понятно, что припадки были бурными. Мне сразу назначили электрошок.

Во время процедур я лежал в реанимационном отделении в маленькой палате под постоянным наблюдением. Со мной был ещё один пациент, который проходил те же процедуры. О нём мало что знаю. Леся, молодая девушка, ухаживала за нами. Была нянкой. От неё, в итоге, я много чего узнал о себе, когда очнулся. Именно она начала рассказывать обо мне всё что знала. В частности то, что происходило в самой больнице. К ней не редко присоединялась Лариса. Даже Гоша, санитар, поведал несколько историй.

– Мне кажется, всё будет хорошо, – ухмылялся он, – Пусть у вас и нет памяти, но зато появилась адекватность. Это лучше чем жить овощем.

Здоровый мужчина имеет бандитскую внешность и, тем не менее, у него доброе сердце. Он помогал мне вставать на ноги, поддерживал при ходьбе и иногда приносил еду. Пообещал, что в случае чего может составить компанию, если мне когда-нибудь захочется поиграть в шахматы. Меня это удивило. Никак не подумал бы, что такой верзила умеет играть в интеллектуальные игры. Впрочем, я то и сам не помню, как в них играть...

Что касается моего лечащего врача. Грунская Лариса Сергеевна. Ей, наверное, лет тридцать-тридцать пять. Именно она порекомендовала мне писать этот дневник. Возможно, когда-нибудь, эти строки станут чем-то значимым в моей истории. А может и в истории этой больницы. Лариса самоотверженно помогает мне, чем только может. Рассказывает о нашей совместной работе, о моих увлечениях, просто ведёт душевные разговоры. Не раз пыталась донести трудность моего положения и подробно описать, как протекает моя болезнь. Но каждый раз я забывал, так как научные слова мною вообще не воспринимались. Словно у меня никогда не было медицинского образования.

А ещё я недавно узнал, что именно Лариса убедила главного врача отменить некоторые лекарства, которые были назначены мне ранее. Юрий Дмитриевич дал добро, но через несколько дней после этого лично посетил мою палату. Видимо хотел убедиться в правильности своего решения.

– Приветствую тебя друг, – обратился он ко мне.

Я поднял глаза и долго всматривался в его чёрно-белую бороду, густо покрывшую нижнюю часть лица. Аккуратная причёска, деловой костюм под белым халатом. Сразу видно, что человек солидный. Это подчёркивает и его надутый живот.

– Юрий Дмитриевич? – я не был уверен, что это он, поэтому решил уточнить.

– О, – удивился он, показывая свои белые зубы, – Ты меня узнал... Память вернулась? Значит тебе лучше?

Батя подошёл ко мне ближе и скрестил на груди руки.

– Я ничего не помню, – честно признался я, – Просто предположил, что это вы.

– Дружище, – теперь он потянулся ко мне и схватил за руку, – Просто Юра. Мы же друзья... А ты и не помнишь. Но я очень рад, что ты приходишь в себя. Это хорошо. А у нас... в больнице. Без тебя, конечно, было сложно в начале, но мы справлялись. Ах, да! Мне сказали, ты жену хочешь увидеть.

Действительно. Когда я узнал, что произошло, мне очень захотелось увидеть свою жену. Она могла многое рассказать обо мне. Но её визит был чем-то усложнён и помочь мог только Юрий Дмитриевич.

– Да, – чуть задумавшись, ответил я.

– Мы не можем дозвониться, – с огорчением сказал он, – Но как только, так сразу. Я обязательно устрою вам свидание. А пока я думаю, как быть с тобой дальше. Давай, друг, присядем.

Мы долго говорили. Он сожалел о случившемся, ругал неуклюжих докторов, которые ошибочно добавили много напряжения в мой мозг. Грозился, что накажет их, выгонит из больницы. Но после обсуждения этой темы мы оба пришли к выводу, что может быть благодаря этой оплошности мой разум и встал на место. До этого ведь было намного хуже. Как сказал Гоша, лучше без памяти, чем быть овощем.

Мы говорили о многом. Возможно, наша беседа продлилась бы дольше, если бы не обед. Юра ушёл, но оставил после себя хорошее настроение. Видимо, мы и вправду дружили.

Леся

Моя нянька. Девушке немного перевалило за двадцать и она недавно закончила стажировку у нас в больнице. Решила остаться работать. Правда ей приходится выполнять не совсем приятные процедуры. Это убирать за больными, мыть их, одевать, раздевать. Работа не для слабонервных. Но Леся справляется. Она немного упитанная, но подвижная и упорная. Любит поговорить и перемыть косточки всем, сотрудникам. Особенно своей напарнице, пятидесятилетней Тоне, с кем она меняется по смене. Та тоже нянька и приходит за мной ухаживать, но она не такая разговорчивая как Леся. И не обсуждает со мной личные дела Михайлова, Вольного, Кузнецовой или Крынёвой. Я никого из них не знаю и поэтому, когда Леся в очередной раз заводи́ла свои байки, мне приходилось прерывать и просить рассказывать более важное – обо мне. Или о себе, что иногда тоже было интересно.

Леся стала мне близким другом. Возможно это из-за того, что увидев её, я вспомнил мать?

– Меня зовут Леся, – представилась она, когда я пришёл в себя после укола.

– Мама? – в бреду спрашивал я.

Я чётко видел перед собой образ своей молодой матери. И какое-то время воспринимал молодую девушку как самого родного человека. Затем, когда последствия препарата про-

шли, девушка наконец достучалась ко мне и объяснила, что она всего лишь нянька.

– Это вы мне в отцы годитесь, – повторяла она, – А я слишком молода, для вашей мамы. Ой... Ну, вы понимаете. Но приятно. Вы такой хороший человек. И ваша мама тоже... Рада, что мы с ней тески.

Чуть позже Лариса озадачила меня. Своими методами она узнала, что мою мать зовут не Леся, а Мария. Значит, я просто бредил. Возможно так зовут тёщу. Но об этом могу точно узнать только у жены.

Другие

С самого первого дня своего бодрствования, я долгое время не покидал палату. Туалет был рядом, душевая тоже. Еду мне носила Леся, а доктора проходили сами. Постепенно, не без помощи Гоши, я научился передвигаться самостоятельно, без поддержки. Так прошло полторы недели. И как-то раз, когда я возвращался из душа, в своей палате я застал Ларису. Мы поговорили о моём самочувствии, о лекарствах и о людях. По моему общему состоянию, доктор решила, что для меня будет полезно расширить зону моего комфорта. Нужно было поменять обстановку, например, пообедать в общей столовой.

– Только, – предостерегла Лариса, – Если возникнут проблемы, вы снова будете кушать в своей палате. И никаких других людей не будет.

– Думаю, проблем не должно быть, – понадеялся я, – Если что, Володя вколет мне какую-нибудь свою гадость. Насколько я понял, он любит это делать. Хе-хе.

Лариса криво усмехнулась. Почувствовала неприязнь к заведующему и ответила:

– Он заведующий реанимацией. Тут он не принимает решений. Только, если Юрий Дмитриевич не поставит его своим замом.

Когда настало время, за мной пришла Леся. Принесла чистую одежду. Я сбросил с себя банный халат и натянул футболку, спортивные штаны, шерстяные носки и свитер. Обул тапки и оглядел себя, как только мог это сделать без зеркала. Идеальный наряд для сумасшедшего.

Затем Леся взяла меня под руку и повела по коридору. Меня переполнял восторг. Наконец-то что-то измениться в моей жизни. Я шёл уверенно. С интересом рассматривал полы, стены, потолок. Встречающиеся по пути люди в белых халатах здоровались со мной. Это было приятно. Но вот чувство комфорта растаяло при виде решётки, которая преграждала проход на лестничную площадку. Леся без труда открыла её и мы поднялись на этаж выше. Неприятное чувство исчезло, когда органы чувств уловили запах еды и звук гремящих ложек. В желудке заурчало.

Когда я попал в столовую, обедающие пациенты с интересом посмотрели на меня. Они так пялились, что мне стало не по себе. Я думал они узнали меня. Возможно кого-то из них я даже лечил в своё время. Общался...

Когда Леся нашла мне свободное место и я присел, любопытных глаз стало меньше. Но эти люди по-прежнему поглядывали на меня. Я старался им улыбаться и кивать. На некоторых это не действовало, а другие отворачивались. Ненадолго, любопытство брало верх. Но я быстро привык к этому и отдался трапезе. Таким было моё появление в обществе других пациентов. С этого дня я кушал исключительно в сто-

ловой. Лично сам ни к кому не подходил чтоб пообщаться. Не успевал. Меня опережали. Сначала со мной знакомился очень худой кавказец. Попросил называть его Чуркой, что было весьма странно. Затем ко мне подошёл седой дед с густой, белой бородой. Представился Мазычом.

– Но меня тут все зовут Дедом Мазаем, – смеялся мой новый знакомый.

Чем больше я знакомился, тем веселее было в столовой. За столом уже не сидел в одиночестве. Было с кем поговорить. Правда в ходу были не всегда адекватные темы. Например Стас, высокий, лысый мужичок, лет тридцати, твердил весь обед, что всем больным вживили чипы в головы. Сделали это для того, чтоб вызывать мигрени.

– Это заговор, – подытожил он.

Лохматый

На днях в столовую привели худощавого пациента, с взъерошенной шевелюрой. Его тут раньше не было, поэтому я, как и все остальные, пялился на новичка во всю ширину своих глаз. Любопытство разобрало меня. Мне даже захотелось подойти к нему и поговорить. Казалось, что мы были знакомы. Нас что-то связывало. А может я когда-то был его врачом...

Какое-то время я просто сидел с зажатой ложкой в кулаке и не шевелился. Аппетит пропал. Для меня больше не существовало стола, соседей и вообще всех людей вокруг. Был только я и этот лохматый. Меня необъяснимо тянуло к нему. Поэтому я поднялся и медленно побрёл к его столу. По ходу не сводил с него глаз. А когда подошёл ближе, тот замер в страхе. Смотрел на меня и не шевелился. Кроме него, скорее всего, в мою сторону смотрели и все остальные. Причём и пузатые санитары в том числе. Но меня тогда это не волновало, мне хотелось узнать кто этот человек с гнездом на голове. Я поднял руку в приветствии и произнёс:

– Приятного аппетита?

Вместо ответа он выбросил ложку, скривил губы и заорал, будто вместо меня увидел самого дьявола. Я и сам в испуге отскочил назад и не смог рассмотреть всего. Меня тут же подхватили сзади и повели назад. Не грубо, но зато уверен-

но. Думал отведут в изолятор, но вместо этого просто вернули за мой стол. А тот человек по-прежнему орал и наводил панику. Упал на пол, отшвырнул ногами стол и в итоге дождался своей порции успокоительного. Когда санитары его уводили, я вновь поднялся на ноги и хотел даже пойти следом, чтоб ещё раз взглянуть в лицо несчастного и попытаться вспомнить. Но Леся быстро опередила меня, преградив дорогу.

– Вы что, хотите особого внимания к себе? – зароптала она, – Кушайте и не дурите.

Я послушался её и сел на место. Ел в раздумьях, но ни к какому выводу не пришёл. А Леся теперь сидела рядом со мной и не отходила ни на шаг. Смотрела на меня и пыталась понять моё поведение. Решила, что-то себе и вдруг тихо начала говорить:

– Насколько я знаю, этот человек экстрасенс... Был им, по крайней мере. И вроде как занимался спиритизмом. Только проблема возникла, сошёл с ума. Возможно доигрался с духами. Или с наркотиками.

– Он знает меня? – спросил я с набитым ртом, а чуть прожевав, добавил, – Он смотрел на меня так, будто знает. И я вроде как знаю...

– Не думаю, – чуть подумав, ответила Леся, – Он поступил на лечение после вас. А то, что он на вас смотрел, будто знал... Он так на всех смотрит. Во всех, кто заговорит с ним, видит демонов. Впрочем, с вами что-то подобное тоже было.

Но это прошло. А у него не проходит. Даже после электрошока.

– Я видел демонов? – изумился я.

– Ну, может не совсем, – в этот момент Леся впервые пожалела, что любит слишком много поболтать, – Вы вели себя странно... Но кто тут странно себя не ведёт? Тут как бы больница для таких... Эм...

– Я понял, – успокоил я девушку, – Все шизофреники видят что-то особенное. Демонов, ангелов, ещё кого-нибудь. Правильно думаю?

– Да.

Больше я не стал говорить. Увлёкся едой. Параллельно думал о лохматом. Жаль его. Он только пришёл поесть, а тут я со своим любопытством. Наверное, остался голодный. Если, конечно, ему не вставили шланг в нос. Леся говорила, так и меня кормили одно время. Питательная паста поступает в пищевод и отправляется прямиком в желудок. Пациент, хочет того или нет, получает свою порцию полезных веществ.

Общий зал

После очередного тихого часа, меня посетила Лариса. Принесла какие-то таблетки, затем предложила пойти в зал, где собираются пациенты для проведения досуга.

– Там телевизор есть, окна большие. Шахматы. Вы помните, что любите играть в шахматы?

После этих слов я вспомнил Гошу. Решил, что стоит с ним как-нибудь поиграть. Или заново поучиться у него.

– Я бы хотел, – я говорил со счастливой улыбкой.

Лариса отвела меня в просторный зал и, убедившись в том, что мне ничего не нужно, ушла. Тут было прохладней, чем где либо. Возле телевизора, справа у стены, разместились шесть человек. Все пожилого возраста и все в инвалидных каталках. У окон три стола с шахматами и стулья. У левой стены широкие столы с бумагой и карандашами. В центре зала лежит ковёр. Большой запас стульев компактно сложен в углу, у входа. Помещение яркое, на лампочки не поскупились. Это хорошо, зрение не испортишь, при рисовании.

Когда Лариса покинула меня, оставив наедине с пенсионерами, я долго топтался на месте. Не знал, чего бы мне хотелось. Смотреть в окно, на падающий снег, вспоминать, как переставлять шахматы или влипнуть в экран телевизора? Последнее взяло верх. Тем более я не помнил, когда по-

следний раз смотрел фильм. Показывали какую-то романтику. Он пришёл к ней, а она полюбила другого. Тот обозлился и украл их состояние. Потом начались разборки и всё закончилось хорошо. Добро победило, как и должно было быть.

В зале прибавилось людей. Все больные и неадекватные. Я смотрел, как они входят в помещение, как передвигаются. На первый взгляд мне показалось что безумцы, вокруг меня, непринуждённо шатаются в зад вперёд и чувствуют себя счастливо. Но это не так. Некоторые из них обозлёно тарашатся на каждого проходящего мимо. Таких было мало, но их держали привязанными, на всякий случай. Санитаров, кстати тут теперь тоже не мало. Они следят за всеми, дабы не случилось чего плохого.

Почему-то говорить не хотелось, поэтому я решил вернуться к просмотру фильма. Так просидел, пока не стемнело. В зале ничего не поменялось. Кто-то выл, кто-то рисовал. Были и такие, которые играли в шахматы. Значит с ними можно поговорить, раз они умеют думать. Но до того, как я решил к ним подойти, моё внимание привлёк энергичный мужичёк. Он активно расхаживал из стороны в сторону, постукивал указательным пальцем правой руки по сжатым губам и тихо постанывал. А может, мычал... изредка что-то бормотал. Шёл к одному углу, обходя сидящих на полу пациентов, упирался в стену и поворачивал к другому углу. Некоторые пациенты следили за его передвижением. Чего-то ждали.

– Хэ-гэ! – воскликнул сидящий со мной рядом старик, –
Опять началось.

Серп

Так я впервые увидел Серпа. Он активист, любит выступать на публику и этим всегда веселит окружающих. Его фантазия безумна, а идеи просто фантастичны. Серп причислял себя к «истинным коммунистам», которые смогут изменить мир к лучшему. Он подбивает людей подняться и идти по пути духовного развития, чему умиляются даже санитары. Для них это как концерт юмориста.

В день когда я увидел его впервые Серп агитировал народ на революцию прогресса. Обещал изменить всё, что сейчас не удовлетворяет каждого жителя страны. Из всего перечисленного я запомнил что-то о высоковольтных проводах и отоплении. Серп решил опустить силовые линии под землю, а водоснабжение модернизировать так, чтоб в городах никогда не было протечек. Тоже касается и канализации. Всё должно работать исправно. В этом смысл работы партии Серпа. Для начала лишь нужно скосить всю коррупционную власть и казнить продажных чиновников.

До того момента, когда мужик не начал призывать к насилию, стоя на стуле, санитары не вмешивались. Они стояли в стороне и посмеивались с больного. Но потом выступление перешло все границы и они сняли активиста с пьедестала.

– Я не раз уже спасал мир, – орал Серп, пытаясь вырваться из сильных рук, – Голосуйте за меня. Я поведу страну вперёд

и мы поднимемся на несколько порядков выше.

– Да! – поддерживали его из толпы.

Кто-то истерически хохотал. Кто-то пытался помочь герою.

– Мы за тебя, Серп.

– Мы поднимем город, а потом и страну! – закричал он, перед тем как санитары вывели его из зала.

Толпа тут же утихомирилась. Больные занялись своими делами. Оставшиеся санитары этому поспособствовали и уселись на места. А я, почему-то никак не мог забыть слова Серпа. Каждый день потом их обдумывал. А ведь он дело говорил. Если всё сделать по его плану, то Украина заживет счастливо. Где только взять такую технологию, о которой он толковал? Нержавеющие трубы, неразрушающийся асфальт, подземные провода электропередачи. Фантастично, но реально. Дать бы только возможность изобретателям и те делают всё для прогресса.

Николай

Я потерял счёт времени. Не могу вспомнить в какой день от моего пробуждения он подошёл ко мне, но это случилось не сразу. Я уже чаще стал посещать общий зал и каждый раз ходил есть в столовую. У меня появлялись собеседники. Кто-то даже просил срочно вылечить его, а кто-то другой, кажется Иван, просил выпустить его к детям. Это говорило о том, что они узнавали меня. Знали что я доктор. Но это всё пустое. Самое важное знакомство было с тем, с кем судьба свела ещё в палате реанимации.

Это произошло в общем зале. Я сидел за столом с шахматной доской, в полном одиночестве и отчаянно пытался вспомнить с чего начинается игра. Вокруг бесновались психи, а санитары время от времени успокаивали их. Я иногда наблюдал за происходящим и очень удивлялся, что некоторые пациенты ведут себя совсем сумбурно. Неужели так можно сойти с ума? Некоторые сидели и просто пускали слюни, а один удивил меня больше всех. Он нагадил себе в штаны и полез смотреть, чем именно. Недоумок достал своё испражнение и принялся. Как это отвратно выглядело. Меня едва не стошнило. Я хотел отвернуться, чтоб не видеть дальнейшее, но любопытство было сильнее. Стало интересно, что будет дальше. И он начал целиться, выбирать цель. Если бы не санитары, то этот псих запустил бы свои

фекалии прямо в телевизор, где всегда сидят пожилые пациенты. Злодея забрали и вывели из зала. Вскоре прибежала уборщица и громко возмущаясь начала убирать то, что упало на ковёр. Некоторые пациенты охотно ей помогали. Я слышал, за подобные поступки в больнице практикуют поощрения. Какие не знаю, ведь у меня всегда всё есть. По крайней мере, есть то, что мне нужно.

Я потерял интерес к суете и вернулся к шахматам. Моё внимание вдруг привлёк торчащий из-под доски бумажный уголок. Странно, что раньше его не замечал. Отодвинул доску, достал несколько листов бумаги с разными надписями и изображениями.

На первом листке изображён череп, в зубах которого была роза. Рядом серп. А на других листках рисунки ничуть не лучше. Разные демоны, трупы, оружие. Художник везде старался изобразить кровь. Жуть. Это ж как надо с ума сойти, чтоб такое рисовать? Или для этого не обязательно быть сумасшедшим? Хотя, может, этот пациент хотел так избавиться от своих страхов.

Перевернув один из листов, я окаменел от страха. Там в полный рост была изображена Смерть с косой. Почему-то вид этого рисунка настолько устрашающий и гнетущий, что я ощутил как холодеют мои стопы. По телу забегали мурашки, а горло сдавило мёртвой хваткой. Мне хотелось кричать, но ничего не получалось, дыхание сбилось. Я даже начал терять сознание и заваливаться на бок. Уже представлял, как

больно ударюсь головой и как мой мозг будет трястись при этом. Но этого не случилось. Меня подхватили крепкие руки и удержали на месте. Во мне тут же появились силы сделать глоток воздуха и пробиться сквозь внезапно навалившуюся волну страха. Открывая глаза, я ожидал увидеть санитаря, но моим спасителем оказался один из пациентов. Его плохо выбритое, узкое лицо имело хамский вид. Глаза бешено бегали по сторонам, а руки немного трястись. Тип явно был чем-то обеспокоен. Возможно не меньше моего. Поэтому поначалу я не знал, как мне реагировать. Толи бояться рисунка, толи подошедшего психа. Как выяснилось, последнее бояться не пришлось. Человек явно был мне хорошо знаком. Об этом говорило, то чувство, которое возникало в столовой при виде Лохматого.

Странный тип смотрел на меня сверху вниз, иногда поглядывая на санитаров. Он выглядел задумчиво. Что-то решал. Это было видно по его рукам. Они то и дело норовили потянуться к листкам. Я же молча наблюдал за ним и ждал. В конце концов, он рискнул и быстро, двумя движениями пальцев, передвинул несколько листков, чем обратил моё внимание на один абзац:

«Владыка Тени полностью опустошил меня. Он довёл меня до безумия и полностью сломил. Моё сознание было вырвано из тела и выброшено за пределы. Когда я пришёл в себя, смог увидеть мир другими глазами».

Когда я прочитал, мне сразу захотелось узнать что означает эта цитата, но странный человек уже ушёл. Он закрутился среди тех, кто помогал убирать уборщице. Я не сводил синего глаз. Его поведение вызывало странные, не поддающиеся объяснению эмоции. Мне захотелось с ним пообщаться. Я встал и пошёл, надеясь на то, что хоть этот человек не станет падать на пол и вопить как резаный. Мне хватило того лохматого.

Когда подошёл ближе, человек вдруг как почувствовал меня. Повернулся ко мне, наши взгляды пересеклись. От этого пошли мурашки по спине. Тогда я решил, что он, несомненно, сумасшедший. И судя по всему, рисунки были его. Не зря же к моему столу подходил.

Я приближался медленно, а он всё смотрел на меня. Когда расстояние между нами оставалось не больше метра, он вдруг повернул и пошёл к выходу. Я за ним.

– В туалет, – громко объявил он санитарам.

Те махнули рукой и даже не повели головы вслед за ним. Когда подошёл я, внимания было больше.

– Куда вы, Валерий Фёдорович?

– В туалет, – улыбнулся им я и взялся рукой за живот.

Санитар поднялся и протянул руку помощи. Вывел из зала и собирался вести дальше, но это было лишним. Я боялся, что он может всё испортить.

– Я могу сам... – попытал счастья я.

Санитар вопросительно посмотрел на меня, а я улыбаясь кивал. Показывал своим видом, что вполне адекватный и контролирую свои действия.

– Ладно, – он пожал плечами и указал рукой на открытый проход в коридоре. Я поблагодарил сотрудника и скрылся в этом проходе.

В нос сразу ударил зловонный смрад, перемешанный с дымом табака. Я долго морщил нос, пока не привык. Зашёл в сам туалет и поискал глазами интересовавшего меня человека. Среди трёх курильщиков его не оказалось. Я хотел спросить у них и уже подошел ближе, но увидел возле унитаза ещё одну фигуру. Это был он. Спрятался в кабине, в которой нет дверцы. Впрочем, тут нигде нет дверей. И он не прятался. Ждал.

– Мы знакомы? – прохрипел я единственный интересующий меня вопрос, – Кто ты?

– Скажи своё имя, – вместо ответа попросил он.

В тот момент я ощутил весьма странное чувство. Будто что-то очень важное происходило здесь и сейчас и от моего ответа многое зависело. На меня даже посмотрели те трое, которые до этого беспечно курили свои БФ. Я удивился когда, наконец, узнал их. Это был Серп, Стас и ещё кто-то, чьё имя не запомнил.

– Валера, – неуверенно проговорил я, – А ты...

– Я Николай, – он говорил быстро и не совсем разборчиво. Приходилось прислушиваться, – У нас мало времени. Ты

не помнишь меня?

Я качал головой. А он продолжил говорить так же быстро, глотая последние слоги:

– Мы лежали вместе, – его глаза бегали по моему лицу, груди, рукам. Каждое слово начиналось с движением зрачков. Коля будто бы искал что-то на моём теле, – В реанимации. Нам делали электрошок. Меня ведь тоже жарили. Ха-ха.

Он смеялся и в этом было что-то безумное. Весь его вид, посреди туалетной кабинки, вызывал неприятные мысли. А смех... Если бы только можно было его описать на бумаге...

– Не знаю, помогло ли мне, – он говорил возбуждённо, – Мозги как сыр расплавили. До этого я был нормальный, но потом... Впрочем, ты же знаешь... Должен знать, ты видел это. Нас обоих это коснулось. И у тебя были объяснения. Ты сказал, что если я помогу тебе, то потом ты поможешь мне.

– Да, – почти хором добавили те трое.

– Нам помощи тоже, – закончил уже Стас, – И я помогу всему миру.

Я с недоумением смотрел то на них, то на Колю. Думал, сговорились. Не мог понять, можно ли доверять им. Они же все тут настоящие психи. Думал даже поднять крик и привлечь санитаров? Стоял, думал, пока вдруг до меня не дошло услышанное – Коля мой сосед по реанимации. Ле-

ся за него только вскользь упоминала, поэтому он никогда не был на уме. А это оказалось немало важным моментом в моей новой жизни.

Я долго слушал монолог о том, что мы должны друг другу помогать. Что все должны держаться вместе и что в шизофрении есть разгадка мироздания. Со временем я уже не мог понять, о чём шла речь. Но догадался, что у меня с теми ребятами было что-то общее.

– Совсем не помнишь? – расстроился Коля, в конце концов, – Да, ты говорил, что можешь забыть. Но мы напомним. Тут всё против нас. Стас знает.

Я посмотрел на лысого человека. Помню, как во время обеда он винил во всех бедах мировое господство.

– Почему против? – пытался я выяснить, – Кто именно?

– Как кто? – Коля был удивлён не меньше меня. Задумался.

Но затем он пришёл в себя и быстро, как умеет, поведал мне о каких-то дневниках, которые я давным-давно исписал в нескольких тетрадах. Для меня это было неожиданным открытием. Ведь ни Леся, ни Лариса, никто не потрудились рассказать мне об этом. А ведь это важно. Если я писал дневник, значит, есть что вспомнить. Иначе, зачем я пишу этот?

– Ты не читал? – спросил Коля.

Я молча качал головой. Мне было обидно. Чувствовал предательство. Коля был разочарован не меньше меня. И это было очень странно.

– Они не показали тебе? – возмущался он, – Я же просил эту, как её там? Лесю! Она приносила тебе тетради. Или блокноты... Неважно. Ты их до безумия требовал. Я еле уговорил эту дурачку дать тебе это. Вообще, как она работает в этом месте? Боится... А-эх. Чёрт!

Последнее он говорил своим друзьям, которые по-прежнему пыхтели дымом.

– Мои мозги хоть и криво стояли в тот момент, но я помню. Точно помню то, что ты говорил и что записывал. А ты много говорил. Очень много. Да, чёрт возьми! Ты постоянно это делал. Не умолкал. Я даже о своей судьбе задумался. Мне показалось что я спятил именно для того чтоб тебя выслушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.